

На правах рукописи

Терпугов Александр Александрович

**ПОДРОСТКОВАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В РОССИИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ**

Специальность 22. 00. 06 – Социология культуры

**АВТОРЕФЕРАТ
на соискание ученой степени
кандидата социологических наук**

**Майкоп
2018**

Работа выполнена на кафедре философии и общественных дисциплин
ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»

Научный руководитель: **Гусарова Марина Александровна**
кандидат социологических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Барсукова Татьяна Ивановна**
доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии Института
образования и социальных наук ФГАОУ ВО
«Северо-Кавказский федеральный
университет»
Скрипниченко Людмила Сергеевна
кандидат социологических наук, доцент
кафедры управления персоналом и
организационной психологии ФГБОУ ВПО
«Кубанский государственный университет»

Ведущая организация: РАНХиГС при президенте РФ (г. Санкт-Петербург)

Защита состоится «__» _____ 2018 г. в __ часов на заседании
диссертационного совета Д.212.001.05 при Адыгейском государственном
университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 208,
конференцзал.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте
Адыгейского государственного университета www.adygnet.ru.

Автореферат разослан «__» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат философских наук

Хачецуков Заур Махмудович

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность диссертационного исследования обусловливается современной социокультурной ситуацией, отмеченной особым состоянием молодого поколения россиян, чье становление происходит в пространстве российской школы, выступающей в данный возрастной период значимым агентом социализации. Являясь социальным институтом, школа призвана транслировать подрастающему поколению не только общезначимые ценности, но и знакомить с различными социальными нормами, опираясь на систему санкций (поощрений и наказаний), моделируя тем самым в сознании обучающихся представления о дозволенном и запрещенном. Тем не менее, именно сегодня одной из примет российского общества становится рост девиации в среде подростков, опознаваемой на уровне подросткового алкоголизма и наркомании, суицидального поведения, вхождения подростков в экстремистские организации, открыто демонстрируемой агрессии, наблюдаемой у юношества, вооруженных конфликтов, происходящих на территории школы, общего падения нравов. Неслучайно в октябре 2017 года первый заместитель председателя комитета Госдумы по развитию гражданского общества выступил с инициативой снизить возраст уголовной ответственности подростка за особо тяжкие преступления с 14 лет до 12 лет¹.

Тот факт, что из числа россиян, принявших участие в интернет-голосовании, которое было вызвано необходимостью определиться по данному вопросу, 79,23 % взрослого населения страны высказались положительно, свидетельствует о настораживающей беспомощности социальных институтов, призванных способствовать личностному росту подростка, в числе которых наряду со школой оказывается семья. Более того, именно внутришкольные и внутрисемейные конфликты нередко оказываются причиной подростковой девиации, посредством которой подросток пытается противостоять насилию, о чем красноречиво свидетельствуют данные, касающиеся преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. В 2015 году зарегистрировано 1471 преступление, в 2016 году – 1915, в 2017 году – 2727. Столь же безжалостна статистика и в отношении данных по Краснодарскому краю, которые связаны с гибелью детей от неестественных причин. Если в 2016 году от суицидов погибли 7 человек, то в 2017 – 15 человек².

Подобное положение дел являет собой «эхо» тех проблем, которые, с одной стороны, возникли в связи с кризисным состоянием отечественного образования, отчасти спровоцированного подписанием Россией Болонской конвенции, с другой, – были инициированы тотальным кризисом, охватившим сегодня все наиболее значимые для жизнедеятельности россиян институции и приведшим к размыванию ценностно-нормативного единства российского

¹ Возраст уголовной ответственности в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: lenta.ru/news/2017/10/13/twelve/ (дата обращения 17.10.2017).

² Терпугов А.А. Девиация в аспекте взаимоотношений взрослого и ребенка: к вопросу о сущностных основаниях насилия // Вестник АГУ. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Научный журнал. – Майкоп : Издательство АГУ, 2018. – С. 114-119.

общества. То обстоятельство, что «“ризомное”... сознание» квалифицируется учеными-гуманитариями «столь же правомерным и равноправным в современном мире, что и культурное сознание...»³, опознается в следующем: на фоне появления целого ряда не существующих прежде профессий (например, киллер или коллектор) статус терминов приобретают такие оксюмороны, как «культура насилия», «нормальность преступления» (В.А. Иванюшина, В.В. Титкова, Д.А. Александров), «теневое право» (В.А. Номоконов), «преступный закон» (Д.А. Шестаков).

В силу того, что именно подросток предстает сегодня наиболее уязвимой частью современного российского социума, в фокусе научного интереса социологов, философов, культурологов, правоведов, юристов, криминалистов, психологов, педагогов оказывается поиск причин, обуславливающих диссонанс между мотивациями и целями подростка, коррелирующими с социальными ценностями, его фактическими способностями и теми социально организованными средствами, которые служат их удовлетворению. В данном контексте обнаружение некоего общего, характерного не только для самых разных подростковых преступлений, но и самых разных ракурсов в исследовании феномена подростковой преступности основания, которое определяет сущность преступного акта, отличаясь стабильностью и неизменностью, видится как актуальной, так и своевременной для современной социологической науки проблемой.

Степень научной разработанности темы. Междисциплинарный статус проблемы подростковой преступности в России потребовал обращения к целому ряду работ из смежных областей гуманитарного знания. В первую очередь, назовем труды Э. Дюркгейма и К. Ясперса, изучавших природу моральной и нормативной реальности, на фоне которой происходит девиация «аномичных индивидов» (Э. Дюркгейм), Р. Мертона, выступившего разработчиком теории аномии, автором типологии поведения личности в ее отношении к целям и средствам, обусловленную, с одной стороны, механизмом идентификации, с другой, – интернализации, Т. Парсонса, создавшего общую теорию социального действия, П. Бергера и Т. Лукмана, описавших все многообразие механизмов социализации подрастающего поколения. Здесь же следует назвать методологию системного анализа так называемого «детского общества», представленную в работах Г.П. Щедровицкого.

Отдельного внимания заслуживают научные штудии представителей российской социологической науки. В их числе Я.И. Гишинский, Л.С. Скрипниченко, Т.А. Хагуров, исследовательская оптика которых сфокусирована на социологии девиантности, проблемам нормы и патологии, решаемой на уровне методологического релятивизма и рассматриваемой в аспекте социокультурной динамики, Г.И. Забрянский, изучающий социологию преступности в ракурсе криминологии несовершеннолетних,

---

³ Неретина С.С. Точка на зрении. – СПб. : Изд-во РХГА, 2005. – С. 271, 273.

А.В. Иванов, ставящий проблему деструктивной социализации в рамках онтологии социального, И.С. Кон, исследовавший феномен социализации как сложный, многомерный и непрерывный процесс становления личности и др. Проблемам социализации личности и особенностям данного процесса с точки зрения возрастных периодов становления личности посвящены труды зарубежных социологов Э. Эриксона, Дж. Масиониса, Э. Гидденса и др.

Косвенно проблема подростковой преступности в России затрагивается представителями социальной философии. В частности, с наибольшей полнотой проблема философии и социологии преступности, раскрываемая сквозь призму социодинамики порядка, хаоса, правосознания личности, представлена в работах В.А. Бачинина, В.Н. Кудрявцева, Э.А. Позднякова. В рамках юридической науки философию преступления и наказания рассматривает И.М. Рагимов. В монографическом исследовании «Философия зла и философия преступности (вопросы философии права, уголовной политики и уголовного процесса)» А.И. Александров поднимает проблемы криминализации общественного сознания, уголовной политики, ставя вопрос об ответственности власти за состояние преступности в нашей стране.

Социальные аспекты философии преступления оказываются в фокусе научного интереса Д.С. Райдугина, который сосредоточивает свою исследовательскую оптику на «социальном направлении криминологии и философии преступления»⁴. В центре работ М.А. Гусаровой ставится проблема целостности сознания личности как предпосылки формирования правосознания на высоком уровне, а также профилактики деформационных процессов как на индивидуальном, групповом, так и общесоциальном уровне. Исследования, касающиеся проблемы девиантного поведения подростков, а также мер их профилактики, обнаруживают себя в научных штудиях отечественных и зарубежных социологов, психологов, социальных педагогов, психолингвистов, историков. В их числе Т.И. Барсукова, В.П. Бедерханова, В.Н. Буркова, М.А. Гусарова, А.Н. Дахин, Е.С. Кара-Мурза, Дж.Г. Мид, Ж. Пиаже, А.А. Романов, Ю. Эльстер, Э. Эриксон и др.

Еще один блок работ связан с публикациями, в которых кинематограф предстает на уровне материала для социально-философского, социокультурного и культурологического анализа (П.С. Волкова, О.В. Горбатова, А. Горных и А. Усманова, Т. Дашкова, С.В. Ковалева, Т.П. Рыльская, К.А. Тарасов и др.). Институциональным аспектам проблемы подростковой социализации, преступности, особенностям делинквентного поведения в среде несовершеннолетних россиян посвящены диссертационные исследования А.А. Бжассо, М.А. Гусаровой, П.В. Емелина, О.Б. Каргиной, Р.А. Кульбацкого, Т.В. Подсухиной, Н.М. Романовой и др.

Значение различных агентов социализации в становлении личности подрастающего поколения раскрывается в диссертационных исследованиях С.А. Байкуловой, М.О. Белашовой, Ю.В. Дулина, Т.В. Кучиц,

---

⁴ Райдугин Д.С. Философия преступления: социальные аспекты: дис. ... канд. филос. н. : 09.00.11 – Социальная философия. – Краснодар, 2007. – С. 4.

А.П. Михайлова, Е.Л. Омельченко, А.Н. Пинчук, К.А. Тарасова, С.Ю. Тренихиной, Ю.М. Успенской, Т.А. Хагурова, С.А. Чернышева и др.

Обзор существующих на сегодняшний день научных работ, прямо или косвенно затрагивающих обозначенное в диссертационном исследовании проблемное поле, позволяет утверждать, что социокультурный анализ подростковой преступности в России не получил в социологической науке должного освещения, что затрудняет изучение особенностей и содержательной специфики данного феномена. Признавая верность положения, согласно которому вопрос о «статусе современного человека как результате его становления и его шансов в будущем поставлен теперь острее, чем когда-либо»⁵, актуальность обозначенного ракурса исследования не подвергается сомнению.

Объект исследования – подростковая преступность как социокультурный феномен. **Предмет исследования** – индивидуальные и социальные факторы, инициирующие подростковую преступность в России. **Цель настоящей работы** заключается в выявлении закономерностей, обуславливающих как отрицательную, так и положительную девиацию подросткового общества в процессе культурной социализации, реализуемой в рамках школьной институции.

Для осуществления поставленной цели необходимо решить ряд следующих **задач**:

- изучить феномен подростковой преступности в контексте социогуманитарного знания;
- обозначить характерные для современной российской школы приметы, обуславливающие специфику процесса культурной социализации подросткового общества;
- выстроить систему аргументации, обеспечивающую возможность рассмотрения кинематографа в качестве материала для социологической рефлексии;
- осуществить социокультурный анализ художественных морально-правовых ситуаций, представленных в отечественном кинематографе;
- выявить источники, обуславливающие преступное поведение подростка;
- определить значимые в работе агентов вторичной социализации методологические установки, обеспечивающие минимизацию подростковой преступности, наблюдаемой в российском социокультурном пространстве.

Гипотеза исследования: общим, характерным для самых разных подростковых преступлений моментом, определяющим сущность преступного акта, выступает индивидуальная концептуальная система языкового носителя как автоматически запущенный природой целесообразный процесс накопления и переработки информации, актуализируемый посредством самоорганизации системы. Поскольку действие последней обусловлено природными (внутренними) законами, их

---

⁵ Ясперс К., Бодрийяр Ж. Призрак толпы. – М. : Алгоритм, 2007. – С. 22.

противоречие с законами социальными (внешними) оказывается имманентным для жизнедеятельности каждого индивида. Снятие имеющегося противоречия через осознанный выбор свободного исполнения законов человеческого общежития недостижимо в рамках самоорганизации системы, что делает актуальным опыт ее (системы) организации, обеспечивающий подростку выход на внутреннюю социальность. Подобный опыт оказывается успешным в процессе реализации таких методологических установок, которые обеспечивают переход от обучения к самообучению, закладывая фундамент нравственного самосознания подростка как источника формирования общественных качеств личности.

Теоретико-методологический фундамент диссертационного исследования базируется на комплексном подходе, обобщающем методологию таких научно-исследовательских отраслей социогуманитарного и естественно-научного знания, как социология, философия, культурология, психология, биология, педагогика, право, юриспруденция, криминология. Помимо этого, в диссертационной работе наряду с методами диалектики использовалась методология системно-структурных исследований, представленная в трудах Г.П. Щедровицкого. В опоре на системный подход, предполагающий «движение от многопредметного представления об объекте к интегрированному однопредметному представлению»⁶, была достигнута возможность объединения самых разрозненных знаний, накопленных о подростковой преступности как социокультурном феномене.

В свою очередь, обращение к обоснованному В. Виндельбантом принципу дополнительности онтологического и исторического аспектов социально-философского знания обусловило возможность актуализации нацеленной на выявление первопричины преступного поведения подростка онтологии социального, что в целом обеспечило продуктивность девиантологических изысканий, призванных раскрыть внешние условия, способствующие либо жизнеспособности подростковой преступности в России, либо – ее минимизации.

Теоретическую базу диссертационной работы составили труды отечественных и зарубежных авторов – представителей социологической и философской науки (М.М. Бахтин, М.К. Мамардашвили, Г.С. Померанц, Ж. Бодрийяр, Ги Дебор, Э. Дюркгейм). Здесь же следует назвать трактаты И. Канта, в которых философ рассуждает о так называемых «задатках животности», т.е. тех задатках, которые свойственны всему живому, «задатках человечности», присущих всем людям без исключения, и «задатках личности». Не менее важными в данном контексте оказались исследования, сфокусированные на познающей и смыслообразующей деятельности сознания (П.С. Волкова, В.И. Шаховский). Отдельного внимания заслуживают научные штудии, в которых поднимаются вопросы шизореальности (В.П. Руднев), безумия (М. Фуко), лингвистики лжи

---

⁶ Щедровицкий Г. П. Системное движение и перспективы развития системно-структурной методологии // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М. : Шк. культ. полит., 1995. – С. 80.

(В.И. Шаховский), единства биологического и социального в становлении человека (П.Н. Федосеев, В.П. Эфроимсон, К. Лоренц), анатомии человеческой деструктивности (Э. Фромм), философии зла (А.И. Александров, Л. Свендсен).

Позиционирование кинематографа в качестве современной исследовательской парадигмы потребовало изучения работ зарубежных и отечественных гуманитариев, в первую очередь, трудов Ги Дебора, для которого кинематограф стал точкой отсчета в процессе создания идеологической платформы теории спектакулярности, Ф. Джеймисона, рассматривающего визуальность, в том числе кинематограф как ее альфу и омегу на уровне «базового модуса существования современной культуры «позднего капитализма», общего принципа структурирования продуктов»⁷ этой культуры, Е.Р. Ярской-Смирновой, придающей особый статус кинематографу вследствие того, что процесс кодирования запечатленной на пленке художественной информации осуществляется в полном соответствии с существующей в социуме «системой смыслов и ценностей, характерных для данной культуры, повседневных символических взаимодействий между людьми, группами и субкультурами»⁸.

Не случайно поэтому художественная модель криминальной коллизии, в рамках которой социальная информация доводится до высокой степени типизации, оказывается также в фокусе художественной криминографии, «открывая дополнительные возможности для научного анализа криминальных реалий средствами криминологии, социологии, психологии или философии»⁹. Все это делает игровое кино одним «из самых потенциально информативных источников», который, «являясь «слепком» своего времени, сохраняет в «законсервированном» виде представления о нормах и идеалах, воплощенных в художественных образах»¹⁰.

При этом изучение феномена подростковой преступности, осуществляемое на примере художественной морально-правовой ситуации, актуализируемой средствами кинематографа, с одной стороны, обеспечивает возможность вскрыть глубинные основания девиантного поведения молодого поколения россиян, а, с другой – позволяет обозначить меры, способствующие гармонизации отношений личности и социума. Выступая «культурным транслятором» норм и идеалов общественной и частной жизни», кинематограф «в силу своей “постановочной” природы не только

---

⁷ Горных А. Повествовательная и визуальная форма: критическая историзация по Фредрику Джеймисону // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность: сб. науч. ст. под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой, П.В. Романова, В.Л. Круткина. – Саратов : Научная книга, 2007. – С.413

⁸ Ярская-Смирнова Е.Р. Одежда для Адама и Евы: Очерки гендерных исследований. – М.: ИНИОН РАН, 2001. – С. 295-301

⁹ Философия преступления. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: advokativanov.com/text...filosofiya-prestupleniya/ (дата обращения 04. 12.2016).

¹⁰ Дашкова Т. Идеология и кинорепрезентация (любовь и быт в советских фильмах 30-50-х годов) // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. Сб. науч. ст. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 206.

отражает существующие тенденции, но и сознательно конструирует новый (желательный) образ взаимоотношений...»¹¹.

Эмпирическая база исследования представлена результатами социологических исследований, проведенных в разное время отечественными учеными Э.Е. Абдрашитовым, А.З. Афауновым, С.А. Байкуловой, Я.И. Гилинским, В.Т. Жалкиевым, А.П. Михайловым, Т.А. Хагуровым и др. В процессе подготовки диссертационной работы также использовались материалы опросов ВЦИОМ по проблеме современных тенденций, наблюдаемых в российской системе образования и уровня образованности современных россиян. Результаты социологического исследования, проведенного лично автором в семи российских городах (Краснодар, Туапсе, Сочи, Ростов-на-Дону, Анапа, Новороссийск, Батайск), в том числе среднеобразовательных школах Краснодара и Краснодарского края послужили эмпирической основой для изучения:

1) мотивации, инициирующей вхождение подростка в субкультуру готов (исследование проводилось с 2015 по 2017 гг. в форме полуструктурированного (фокусированного) интервью), объем выборочной совокупности составил 1275 респондентов, в числе которых были представители молодежной субкультуры от 14 до 19 лет, выборка носила целевой характер, основная задача опроса – выявить ценностные основания данной субкультуры для подросткового общества;

2) специфических особенностей института современной школы как одного из важнейших агентов подростковой социализации (исследование проводилось в феврале-марте 2018 г. в форме анкетирования (объем выборочной совокупности составили 520 респондентов (с 5-го по 11-й класс, выборка носила целевой характер), основная задача опроса – выявить характер и частоту взаимодействия школьников и учителей, стимулирующие активность подростков в жизни школы факторы, а также конструирование образа «реального» и «идеального» учителя в представлении и оценке учащихся.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена самой постановкой проблемы, которая до настоящего времени не решалась в рамках социологии культуры. В целом элементы новизны диссертационной работы определяются:

– констатацией того факта, что феномен подростковой преступности обладает междисциплинарным статусом, поскольку в фокусе исследователя оказывается не просто социальный субъект, осуществляющий противоправные действия, но обладающий индивидуальной концептуальной системой языковой носитель, предстающий одновременно и как биологическое, и как социальное существо, наделенное свободой выбора;

– выявлением ряда специфических особенностей школьной среды как социальной системы, оказывающей непосредственное влияние на

---

¹¹ Дашкова Т. Цит. изд. – С. 209.

становление личности подростка как ее элемента, в числе которых преобладают стимулирующие отрицательную девиацию факторы;

– построением системы аргументации, в рамках которой выступающий в качестве материала для научной рефлексии кинотекст обеспечивает исследователю сбалансированность умозрительных способов познания с результатами эмпирических данных, способствуя созданию целостной картины морально-правовой ситуации, представленной в единстве вербального и невербального (визуального), внешнего и внутреннего, рационального и иррационального, дискретного и континуального;

– социокультурным анализом морально-правовых ситуаций, представленных в отечественном кинематографе, что привело к осознанию того, что одной из главных причин подростковой девиации, отмеченной внешним характером, была и остается ложь как социальное зло;

– позиционированием в качестве первопричины, обуславливающей доминирование природных законов над законами человеческого общежития, самообман, инициирующий тотальную ложь;

– артикуляцией методологических установок, реализуемых в пространстве отечественной системы образования, призванных минимизировать подростковую преступность учащейся молодежи.

Соответствие паспорту специальности: направленность диссертационного исследования отвечает проблематике п. 4 Культурная норма и девиация в развитии общества. Субкультуры и культурная маргинальность; п. 14 Культурная социализация и самоидентификация личности; п. 17 Образование и процесс культурного воспроизводства.

Результаты исследования конкретизируются в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Феномен подростковой преступности определяется доминированием первой, коррелирующей с животными задатками, природы индивида, функционирующей под знаком эгоистической оценки. При этом вторая природа, коррелирующая с собственно личностными, ориентированными на социально-значимые ценности, задатками либо остается на уровне потенциально возможной, либо полностью блокируется, что с неизбежностью влечет за собой деформацию личности, вынужденную нести на себе зависимость как со стороны внешних факторов, обусловленных социальной реальностью, так и со стороны факторов внутренних, напрямую связанных с животным началом в человеке. Таким образом преступная деятельность подростка в равной степени оказывается обусловленной как его свободной волей, обеспечивающей выбор либо в пользу его первой природы, либо в пользу его второй природы, так и социумом, представленным на уровне такой социальной институции, как школа. Именно последняя призвана обеспечить подростку возможность получить представление о том, что такое его свобода воли и чем такая свобода отличается от несвободы.

2. В отличие от обучения, которое воздействует на первую природу подростка, способствуя ее корректировке, воспитание призвано пробуждать его (подростка) вторую природу. Характерное для российской школы

доминирование установки на обучение приводит к деформации индивидуальной концептуальной системы подростка, что обусловлено рядом причин, в числе которых назовем такие, как:

- весьма слабая мотивировка учащихся на «познание самого себя», которая замещается установкой на развитие интеллекта, с неизбежностью приводящей к нарушению равновесия между внутренним и внешним, вербальным и невербальным, рациональным и иррациональным;
- избегание либо подавление конфликтов как неотъемлемой составляющей процесса формирования подросткового общества за счет корректирующей индивидуальности входящих в такое общество субъектов мер;
- игнорирование необходимости рассматривать подростка как двуплановую, обладающую внутренней иерархией, структуру, один план которой ориентирован на соблюдение природных законов, второй – на соблюдение законов, вырабатываемых социумом.

3. «Пусковым механизмом» или первопричиной отрицательной подростковой девиации выступает обусловленная самоорганизацией индивидуальной концептуальной системы языкового носителя ложная установка сознания, следование которой порождает ложные ценности, мотивирующие подростка на противоправные действия. В свою очередь, положительная девиация опознается в отказе от природной программы, сковывающей личностное становление подростка и, как следствие, отказе жить по законам двойных стандартов, что приводит подростка к необходимости делать выбор в пользу самостоятельно осуществляемой организации своей индивидуальной концептуальной системы.

4. Неспособность государства искоренить преступность силовыми методами напрямую связана с тем, что источником конфликта, возникающего между намерениями подростка, его фактическими способностями и теми социально организованными средствами, которые служат их удовлетворению в рамках конкретного общества, выступает ложь как имманентно присущее человеческой природе зло, носителями которого, как правило, оказываются как агенты первичной социализации, так и агенты вторичной социализации.

5. Отказ от паразитирования на природе, обусловленной процессом самоорганизации индивидуальной концептуальной системы в пользу ее организации, обеспечит подростку снятие имманентно присущего индивидуальной концептуальной системе языкового носителя противоречия, обусловленного природными (внутренними) законами, которые определяют направленность деятельности первой природы человека и социальными (внешними) законами, отвечающими требованиям второй природы. При этом снятие отмеченного противоречия есть не что иное, как выход на внутреннюю социальность, которая является гарантом минимизации подростковой преступности. Вне обретения внутренней социальности необходимость руководствоваться любым действующим на уровне

социальной реальности законом будет восприниматься подростком исключительно как социальное принуждение, вызывая неизменный протест.

6. В условиях современной социокультурной ситуации необходимо отказаться от наследия советской системы образования, нацеленной на процесс обучения, реализуемый посредством извне организованного сознания подрастающего поколения россиян, в пользу самообучения как процесса самостоятельного, внутренне мотивированного усвоения знаний, умений и навыков. Будучи реализовано посредством организации сознания каждым отдельным субъектом образования, самообучение выступает основой нравственного самосознания, иницируя у подростка формирование общественно значимых качеств.

Теоретическая значимость диссертационного исследования связана с тем, что оно расширяет социально-гуманитарное знание о подростковой преступности как системном объекте. В частности, результаты исследования дают возможность по-новому осмыслить не только первопричину подростковой преступности в России, но и условия ее минимизации. В целом полученные в ходе диссертационного исследования материалы обуславливают необходимость в процессе изучения подростковой преступности смещать акцент с внешней социализации на социализацию внутреннюю, которая выступает необходимым условием положительной девиации подрастающего поколения россиян, способствуя устранению ложной установки сознания.

Практическая значимость исследования связана с возможностью применения полученных результатов и выводов в целях усовершенствования организации образовательного процесса как в общеобразовательных, средне специальных, так в высших учебных заведениях. Отдельные положения могут быть использованы в образовательных технологиях в процессе подготовки кадров социально-гуманитарных специальностей, а также послужить материалом для преподавания цикла дисциплин социально-гуманитарного и педагогического направления. Представленные в диссертации выводы могут быть учтены при создании учебных курсов по социологии преступности, девиантологии, онтологии социального, социальной философии, философии права, философии культуры. Результаты диссертационного исследования могут быть задействованы при разработке государственных программ в сфере профилактики подростковой девиации, в том числе, в рамках реализации провозглашенного Президентом РФ проекта «Десятилетие детства», охватывающего временной отрезок с 2018 по 2028 гг.

Материал исследования включает в себя режиссерские работы Э. Рязанова («Дорогая Елена Сергеевна»), В. Меньшова («Розыгрыш»), В. Гай Германики («Школа»; «Все умрут, а я останусь»), А. Петрухина («Училка»), К. Серебренникова («Ученик»).

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры социологии и культурологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина» и кафедры философии и общественных дисциплин ФГБОУ ВО «Краснодарский

государственный институт культуры» (протокол заседания № 11 от 18 июня 2018 г.). Основные положения диссертационного исследования были представлены на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях. Тезисы докладов отражены в пятнадцати научных публикациях, в числе которых шесть статей опубликованы в журналах, рецензируемых ВАК. Общий объем публикаций составляет 5,5 п.л.

Объем и структура диссертации. Исследование состоит из Введения, двух Глав, каждая из которых включает в себя по три параграфа, Заключения, Библиографического списка (350 наименований) и Приложения. Общий объем работы – 229 страниц машинописного текста в компьютерной верстке.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** содержится обоснование избранной темы, актуальности ее рассмотрения, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи диссертации, ее научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, дается характеристика методологической базы исследования, его эмпирического материала, излагается структура работы.

Первая глава **Методологические ориентиры в исследовании феномена подростковой преступности** включает в себя три параграфа. В первом параграфе *Подростковая преступность как социокультурный феномен: методологический подход* соискатель осуществляет ревизию существующих точек зрения на подростковую преступность как социокультурный феномен. Отмечая междисциплинарный статус подростковой преступности, соискатель признает приоритет социологической науки, призванной дать обобщенно-теоретический образ данного социального феномена. Констатируя, что суть разногласий между самыми разными представителями науки в вопросе о причинах подростковой преступности заключается в том, что, с одной стороны, таковую напрямую связывают с наследственностью, а с другой – обуславливают окружающей преступника средой, соискатель предпринимает попытку сфокусировать внимание на единстве и раздельности природного и социального, определяющих целостный характер жизнедеятельности подростка. Солидаризируясь с Кантом в том, что все ее разнообразие определяется изнутри формируемым правовым пространством, в центре которого – нравственный закон, обуславливающий подростку возможность оценивать свою деятельность с позиции как нормативного (добраго) принципа, так и принципа девиантного (злого), соискатель обращает внимание на оказывающие влияние на формирование искомого закона задатки: «задатки животности», «задатки человечности» и «задатки личности». Осуществив проекцию идей Канта на индивидуальную концептуальную систему индивида, основанную на взаимодействии невербальных (иррациональных) и вербальных (рациональных) элементов, соискатель признает правомерность

выводов, сделанных в контексте эмотивной лингвоэкологии¹². Обобщив результаты исследований, осуществляемых на уровне языкознания, философии языка и коммуникологии¹³, соискатель утверждает, что первая природа подростка, базирующаяся на животных и опосредуемых языком человеческих задатках коррелирует с индивидуальной концептуальной системой как автоматически запущенным природой механизмом по переработке и хранению информации, в рамках которого язык функционирует на уровне рефлекса на внешний раздражитель, отвечая за адаптацию живого организма к окружающей его действительности. При этом сам подросток выступает в качестве языкового носителя, действующего согласно природной программе. Напротив, вторая, отмеченная личностными задатками, природа подростка являет собой подлинно человеческую мыследеятельность, противостоящую природному автоматизму и обуславливающую подростку статус речевого субъекта. Именно в этом случае язык служит основанием для рефлексии, обеспечивая подростку возможность осознанного выбора в пользу выработанных социумом законов человеческого общежития.

Поскольку именно школа предстает как особым образом организованная система, призванная отвечать за качество процесса социализации подростка, выступая ее значимым агентом, во втором параграфе Первой главы *Школьная институция в аспекте «места» и «индивида»* соискатель фокусирует свой научный интерес на «функциях отдельных элементов школьной системы, созданных процессами и связями структуры¹⁴. Принимая во внимание тот факт, что главным признаком любой системы выступает взаимообусловленность ее элементов, соискатель ставит акцент на интеракции всех участников данного процесса¹⁵. Соглашаясь с Г.П. Щедровицким в том, что помимо закрепленного за каждым из выступающих в качестве элементов школьной системы учителем, учащимся, равно как и их родителями «места», остающегося неизменным до тех пор, пока все они осознают свою принадлежность данной системе, субъекты образования одновременно предстают и в качестве «индивидов, чье поведение так же, как и связи, в которые они вступают с другими людьми, не ограничиваются пространством школы, будучи отмечены внутренней динамикой»¹⁶, соискатель опирается на данные социологических опросов. В частности, авторское анкетирование учащихся среднеобразовательных школ г. Краснодара и Краснодарского края, нацеленное на выявление характера и частоты взаимодействия школьников и учителей, проведенное в февралемарте 2018 г. (объем выборочной совокупности составили 520 респондентов) делает обоснованным следующий вывод. Отмеченная рассогласованием

¹² Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017. – № 4. – С. 138-163.

¹³ Волкова П.С. Язык и речь в пространстве культуры: интерпретация и реинтерпретация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2017. – Т. 16. – № 4. – С. 207-214.

¹⁴ Щедровицкий Г. П. Системное движение и перспективы развития... Цит. изд. – С. 80.

¹⁵ Луман Н. Социальные системы. – СПб. : «Наука», 2007. – С. 50.

¹⁶ Щедровицкий Г.П. Цит. изд. – С. 80.

«места» и «индивида» школьная система не только не способна гармонизовать имеющееся противоречие, но, напротив, нередко усугубляет его за счет доминирования процесса обучения над процессом воспитания. В итоге все усилия школы сводятся к тому, чтобы «подогнать» личность подростка под «обусловленные спецификой того или иного «производства» правила»¹⁷, что оказывается возможным за счет корректировки его первой природы в полном соответствии с этимологией лексемы «учить», которую С.В. Попова связывает с дрессурой¹⁸.

В силу того, что подобный опыт «...не сопровождается ... сущностными изменениями биологического субстрата человека»¹⁹, который инициируется первой природой подростка, становится очевидным, что, как правило, российская школа сосредоточена исключительно на формировании в своих подопечных внешних признаков личности в ущерб внутренним качествам, становление которых невозможно без актуализации второй природы подростка. Для подтверждения представленной позиции соискатель приводит результаты проведенного в феврале-марте 2018 г. на базе среднеобразовательных школ г. Краснодара и Краснодарского края социологического исследования (объем выборочной совокупности составили 520 респондентов), утверждая, что чем старше становятся ученики, тем реже они обращаются за советом либо помощью к учителям, преследуя не столько учебный, сколько индивидуально-личностный интерес. Данный факт свидетельствует о предельной формализации отношений всех вовлеченных в школьную систему элементов, что выступает признаком кризиса общения, которое предстает аналогом конфликтной ситуации, традиционно подавляемой либо игнорируемой учительским сообществом²⁰. Принимая во внимание тот факт, что без конфликтов «не может быть воспитания»²¹, соискатель в поисках ответа на вопрос о причинах девиантного поведения подростков фокусирует своей исследовательский интерес на сфере межличностного взаимодействия учителей и подростков, которое выходит за пределы учебной деятельности.

Третий параграф Первой главы *Проблема подростковой преступности в контексте кинематографа как исследовательской парадигмы* соискатель посвящает выстраиванию системы аргументации, оправдывающей позиционирование кинематографа в качестве идеальной, отмеченной искомой диалектикой внутреннего и внешнего, рационального и иррационального, вербального и невербального объяснительной

---

¹⁷ Щедровицкий Г.П. Игра и «детское общество» // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М. : Шк. культ. полит., 1995. – С. 678.

¹⁸ Попова С.В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: дис... канд. фил. н. : 10.02.19 – Теория языка. – Астрахань, 2012. – 211 с.

¹⁹ Щедровицкий Г.П. «Человек» как предмет исследований // Г.П. Щедровицкий. Цит. изд. – С. 394.

²⁰ Терпугов А.А. Учитель как агент социализации: к вопросу о подростковой преступности в России // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2018. – № 8. – С. 47-50.

²¹ Щедровицкий Г.П. Игра и «детское общество» // Г.П. Щедровицкий. Цит. изд. – С. 680.

конструкции, моделирующей морально-правовую ситуацию, в центре которой – кризис общения всех входящих в школьную систему элементов²².

Подчеркивая, что работа с представленными в кинематографе «шифрами социального содержания» (Т. Адорно) обеспечивает социологу не только возможность осуществить анализ визуальности, выступающей в качестве носителя социальных значений и смыслов, но и, одновременно, изучить механизм визуальных практик инсценирования, оправданность вовлечения в социологическую науку визуального искусства соискатель видит в его диалогической природе. Именно последняя противостоит тотальному монологу как главной приметы общества спектакля (Ж. Бодрийяр, Ги Дебор), порождающего отмеченные соблазном симулякры. Вместе с тем, использование кинематографических образцов в качестве эмпирического материала представляется перспективным постольку, поскольку процесс кодификации информации посредством знаков и символов, призванных визуализировать художественные образы, осуществляется в полном соответствии с той значимой для жизнедеятельности конкретного социума ценностно-смысловой системой, в рамках которой происходит непрерывное взаимодействие подростков, входящих в самые разные социальные общности.

В качестве примера влияния кинематографа на жизнедеятельность подросткового общества и обратно соискатель останавливается на субкультуре готов и косплееров. В частности, полустандартизированное интервью, которое обеспечило возможность свободно манипулировать вопросами с целью оптимизации взаимодействия с представителями молодежной субкультуры готов, проведенное в ряде южно-российских городов, показало, что современное состояние данной субкультуры во многом поддерживается так называемой неоготикой (фильмы ужасов, мистика), которая, в свою очередь, обобщает реалии этой субкультуры в опоре на ее представителей. Не отрицая того, что идеология готов может выступать фактором, формирующим в сознании подрастающего поколения некоторые формы девиантного (иногда криминального) поведения в качестве допустимых, например, убийства или самоубийства²³, в целом данные социологического анализа показывают, что сама по себе готическая субкультура отмечена отсутствием агрессивности. Вовлекая в свою общность, как правило, людей, испытывающих состояние социального одиночества, порождающего ряд психологических проблем, в том числе всевозможные депрессии, такая субкультура нередко выполняет компенсаторную функцию, осуществляя процесс социализации подростков посредством искусства (музыка, кинематограф, литература и др.).

---

²² Терпугов А.А., Жукова Т.А. Кинематограф в аспекте социологии: pro et contra// ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: научный и социокультурный журнал. – М.: РУТ (МИИТ), 2017. – Вып. № 3 (68). – С. 100-109.

²³ Гусарова М.А. Ценностные ориентации современной российской молодежи (на примере Краснодарского края): дис. ...канд. соц. н. : 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы. – Краснодар, 2005. – С. 115-120.

Завершая Первую главу диссертационного исследования, соискатель констатирует, что каждый подросток выступает в качестве носителя основанной на взаимодействии невербальных и вербальных элементов индивидуальной концептуальной системы как целесообразного, автоматически запущенного природой механизма, функционирующего на уровне самоорганизации и коррелирующего с первой (биологической) природой индивида. Поскольку актуализируемый в школьной институции процесс обучения демонстрирует нацеленность субъектов образования исключительно на облагораживание этой первой природы, что осуществляется посредством развития интеллектуальных способностей, речь в данном случае идет об укромении и корректировке «животных задатков» в человеке. Напротив, становление второй природы подростка оказывается напрямую связанным с процессом воспитания как опытом организации системы, актуализация которого невозможна вне кризиса общения, опознаваемого на уровне конфликта. В силу того, что традиционно вызывающий негативную оценку в рамках школьной системы конфликт либо подавляется, либо игнорируется учительским сообществом, выход на вторую природу, обеспечивающую подростку обретение свободы от животных инстинктов, оказывается затруднительным. Подобное положение дел с неизбежностью влечет за собой деформацию личности, вынужденную нести на себе зависимость как со стороны внешних факторов, обусловленных социальной реальностью, так и со стороны факторов внутренних, напрямую связанных с природным началом в человеке, что нередко приводит подростка в лоно неформальных объединений (субкультура готов, косплееры). Несмотря на то, что в большинстве случаев российская школа представляет собой такой социальный институт, в котором процесс социализации подменяется натаскиванием и дрессурой, только во взаимодействии учительского сообщества и общества подростков возможно становление и развитие личностных отношений, обеспечивающих условия формирования общественных качеств молодого поколения россиян. При этом художественное (игровое) кино выступает в качестве новой исследовательской парадигмы, в рамках которой социолог имеет дело с объяснительной конструкцией криминальной коллизии, инициируемой кризисом общения индивидуальной концептуальной системы подростка как «изолированной целостности, как существа, поведение которого, так же, как и связи, в которые он будет вступать с другими людьми, определяются его “внутренними” качествами»²⁴.

Вторая глава диссертационного исследования **Социокультурные основания подростковой преступности: природное и социальное** также включает в себя три параграфа. Первый параграф Второй главы *Кризис общения в аспекте индивидуальной концептуальной системы подростка* посвящен исследованию связей и отношений всех элементов школьной

---

²⁴ Щедровицкий Г.П. «Человек» как предмет исследований // Г.П. Щедровицкий. Избранные труды. – М.: Шк. культ. полит., 1995. – С. 387.

системы – учителей, подростков и их родителей, выстраиваемых по поводу и вокруг учебной деятельности. Осуществив социокультурный анализ эмпирического материала, представленного отечественным кинематографом, соискатель приходит к следующему выводу. Независимо от того, каким предстает перед подростковым обществом учитель, выступающий в качестве агента социализации молодого поколения россиян – нравственным авторитетом, либо дискредитирующим себя морализатором – во всех без исключения случаях источником кризиса общения становится несоответствие социальных законов, действующих извне, законам природы, функционирующим изнутри. Их принципиальное несовпадение заключается в том, что если социальные законы, как правило, нацелены на «выживание неприспособленных» (И. Левин), т.е. слабых, то природные законы определяются естественным отбором, т.е. правом сильного. Причем, опыт согласования имманентно присущего жизнедеятельности общества противоречия подросток обретает лишь тогда, когда учителя или родители оказываются способными не только транслировать социальные ценности, но и выступать их реальными носителями подобно героям фильмов «Дорогая Елена Сергеевна» Э. Рязанова и «Розыгрыш» В. Меньшова.

В противном случае, преподносимые взрослыми уроки жизни предстают для подростков «школой лжи», дезориентируя подрастающее поколение и усугубляя кризис индивидуальной концептуальной системы неравновесностью ее элементов, когда преобладание вербальности (рациональности) обуславливает развитие установок на достижение социально значимых целей, преобладание невербальности (иррациональности) – достижение целей индивидуально значимых, что приводит к открытому бунту против мира взрослых, допускающих существование двойных стандартов.

Обозначив ложь в качестве внешней причины, инициирующей кризис общения как кризис индивидуальной концептуальной системы подростка, соискатель фокусирует свой научный интерес на поиске внутренней причины подростковой преступности.

Во втором параграфе Второй главы *Ложная установка сознания как первопричина деструктивной социализации подростка* предпринимается попытка дать ответ на вопрос, почему социальная ложь оказывается столь широкомасштабным, проникающим во все сферы жизнедеятельности человечества явлением. На фоне гипотезы, согласно которой человек рождается с инстинктивной способностью ко лжи, которую позднее развивает и закрепляет социальная среда²⁵, соискатель отстаивает мысль о двойственной природе лжи, реализуемой как на внешнем, социальном уровне, так и на уровне внутреннем, индивидуальном. При этом уникальность лжи, осуществляемой на уровне социума, опознается в том, что успешное протекание процесса самоидентификации лжеца не предполагает

---

²⁵ Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции : монография. – Волгоград : изд.-во ИП Поликарпова И.Л., 2016. – 504 с.

никаких особых социальных условий (кроме внутреннего ценностно-нормативного пространства индивида). Недооценка деструктивного значения социальной лжи, реализующейся в форме самообмана для всех участников института школы наносит вред не только отдельным индивидам, но выступает дисфункциональным фактором для всей системы образования.

Ставя цель выявить причину разрастания подростковой девиации в современном обществе, соискатель в третьем параграфе Второй главы *Актуализация внутренней социальности как опыт минимизации подростковой преступности в России* выходит за рамки школы как структурной организованности, сосредоточив свое внимание на более общей системе, неотъемлемой частью которой выступает обозначенная институция. Речь идет о системе образования как значимого элемента государственной системы.

Осуществив социокультурный анализ советской и российской образовательной системы, соискатель утверждает, что уникальность советского образования определялась, в первую очередь, идеологизацией государственной политики, подразумевающей систему образования в качестве приоритетного агента социализации. При этом издержки советской школы обусловлены особым, отмеченным авторитарным характером, взаимодействием учителя и ученика, в том числе установкой на реализацию принципа понятности учебного материала, что способствовало формированию коллективного разума у многих поколений советских граждан в ущерб разуму индивидуальному. Однако в настоящее время, когда происходит смена идеологических приоритетов, все более завоевывающий господство индивидуализм, закрепляемый функционирующей на уровне самоорганизации индивидуальной концептуальной системой, делает особенно значимым обретение подростком опыта организации собственной системы. Имеется в виду актуализация самосознания как гармоничного взаимодействия вербальных и невербальных элементов системы.

Солидаризируясь с В.И. Шаховским и П.С. Волковой в том, что вербальные элементы выступают коррелятом индивидуального сознания аналогично тому, как невербальные – коррелятом коллективного бессознательного, соискатель считает оправданным рассматривать акт самосознания с точки зрения особой деятельности (мыследеятельности) подростка, обеспечивающей снятие в коллективном негативности бессознательного и обретение коллективного характера индивидуальным Я, что уподобляется обретению подростком внутренней социальности²⁶. Соискатель констатирует, что именно внутренняя социальность выступает в данном случае одной из действенных мер по устранению ложной установки сознания как имманентного принципа основанной на самоорганизации индивидуальной концептуальной системы подростка. Ее достижение соискатель связывает с необходимостью восполнить характерное для

---

²⁶ Шаховский В.И., Волкова П.С. Эмотивность как принцип познающей и смыслообразующей деятельности сознания // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017. – № 4. – С. 138–163.

советской системы образования коллективное обучение обучением индивидуальным, а также тотальной проблематизацией учебного материала независимо от изучаемой дисциплины в опоре на традиционные ценности российской системы образования.

Завершая Вторую главу диссертационного исследования, соискатель свидетельствует, что в случае объединения в пространстве современной российской школы традиционных ценностей советской образовательной системы с ценностями, обусловленными современной социокультурной ситуацией, подрастающему поколению россиян окажется под силу осознанный выбор собственного пути, неразрывно связанного со всем, что происходит за пределами узко профессиональной деятельности. Будучи руководителями самих себя, подростки с неизбежностью откажутся от «пассивного и покорного ожидания того, когда и как окружающий мир сформирует их собственную личность»²⁷, реализуя установку на самосознание и, как следствие, самообучение и самовоспитание, что в конечном счете приведет к минимизации преступных деяний.

В Заключении подводятся итоги проделанной работы и намечаются перспективы исследования. В частности, констатируя, что приоритет социологической науки в изучении подростковой преступности как социокультурного феномена обусловлен особым ракурсом исследования, в центре которого социальная субъектность языкового носителя, способствующая созданию целостного образа подрастающего поколения россиян, соискатель видит перспективным для социологии культуры и духовной сферы конструирование таких образовательных практик, которые будут способствовать гармонизации вербального и невербального, внешнего и внутреннего, рационального и иррационального. Будучи актуализированы посредством комплексной методологии, вбирающей в себя принципы обучения и воспитания, искомые образовательные практики обеспечат в рамках школьной институции единство «места» и «индивида», мотивируя всех включенных в школьную систему элементов на поиск истины, достижение которой невозможно вне социального взаимодействия. Обретаемая подобным образом учащейся молодежью внутренняя социальность станет гарантом минимизации подростковой преступности в России, закладывая фундамент для личностного роста наших сограждан.

---

²⁷ Грамши А. Тюремные тетради // Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959. – Т. 3. – С. 12.

**Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных
ВАК при Минобрнауки РФ:**

1. Терпугов А.А. Философия преступления: К постановке проблемы / А.А. Терпугов // Общество, философия, история, культура. – 2016. – № 9. – С. 54-56. (0,4 п.л.)

2. Терпугов А.А. Ложь как социальное зло: опыт философского анализа / А.А. Терпугов // Научное мнение. (Психологические, педагогические и философские науки). – 2017. – № 2. – С. 23-28. (0,4 п.л.)

3. Терпугов А.А. Подростковое преступление: социокультурный анализ / А.А. Терпугов // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 11. – С. 21-24. (0,4 п.л.)

4. Терпугов А.А. Девиация в аспекте взаимоотношений взрослого и ребенка: к вопросу о сущностных основаниях насилия / А.А. Терпугов // Вестник адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». Научный журнал. – Майкоп : Издательство АГУ, 2018. – С. 114-119. (0,4 п.л.)

5. Терпугов А.А., Жукова Т.А. Кинематограф в аспекте социологии: pro et contra / А.А. Терпугов, Т.А. Жукова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура: Научный журнал. – М.: РУТ (МИИТ), 2017. – Вып. № 3 (68). – С. 100-109. (0,5 п.л.)

6. Терпугов А.А. Учитель как агент социализации: к вопросу о подростковой преступности в России / А.А. Терпугов // Теория и практика общественного развития. Научный журнал. – 2018. – № 8. – С. 47-50 (0,4 п.л.)

7. Терпугов А.А. Внутренняя социальность как противодействие подростковой преступности. К вопросу о качестве процесса социализации молодого поколения россиян / А.А. Терпугов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: Всероссийский научный журнал. Краснодар: ООО «Наука и образование», 2018. (в печати) (0,4 п.л.)

В других изданиях (РИНЦ)

8. Терпугов А.А. Преступление как следствие подросткового экстремизма: социально-философский аспект / А.А. Терпугов // Противодействие экстремизму и терроризму: философские, социологические и политологические аспекты: материалы Всерос. науч-практ. конф.: / под общ. ред. С.Ф. Самойлов, Н.В. Нарыков, И.П. Скворцов, Е.В. Гришай. – Краснодар: ун-т МВД России, 2016. – С. 209-213. (0,4 п.л.)

9. Терпугов А.А. Философия лжи сквозь призму локального и глобального диалога / А.А. Терпугов // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность: межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: С.Ф. Самойлов, Н.В. Нарыков, И.П. Скворцов, Е.В. Гришай. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. – Вып. 13. – С. 259-266. (0,3 п.л.)

10. Терпугов А.А. Философия одного преступления на примере отечественного и зарубежного кинематографа / А.А. Терпугов // Aspectus:

Международный научный журнал. – Краснодар: Изд.-во «Светочъ», 2016. – № 2. – С. 96-102. (0,4 п.л.)

11. Терпугов А.А. Текст культуры как предмет научной рефлексии / А.А. Терпугов // Aspectus: Международный научный журнал. – Краснодар: Изд.-во «Светочъ», 2016. № 4. С. 67-71. (0,4 п.л.)

12. Терпугов А.А. Российская школа в аспекте социокультурной динамики: вчера, сегодня, завтра / А.А. Терпугов //Aspectus: Международный научный журнал. – Краснодар: Изд.-во «Светочъ», 2017. – № 1. – С. 34-45. (0,4 п.л.)

13. Терпугов А.А. Отечественное образование: опыт симуляции / А.А. Терпугов // Aspectus: Международный научный журнал. – Краснодар: Изд.-во «Светочъ», 2017. – № 3. (0,4 п.л.)

14. Терпугов А.А. Богослужебные практики как опыт минимизации подростковой преступности / А.А. Терпугов // Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире / ред.-сост. С.И. Хватова. – Вып. 3. – Т. 2. – Майкоп: Изда-во «Магарин О.Г.», 2018. – С. 251-256 (0,3 п.л.)